

Т.П.Лихач¹, Ю.В.Ходунькова²

¹старший преподаватель кафедры английского языка и МПИЯ МГПУ им. И. П. Шамякина (г. Мозырь, Республика Беларусь)

²студентка 4 курса филологического факультета МГПУ им. И. П. Шамякина (г. Мозырь, Республика Беларусь)

**ПРИЕМЫ АКТУАЛИЗАЦИИ РЕЧЕВОГО СМЫСЛА НА УРОВНЕ
МОРФЕМ В ИСХОДНЫХ ТЕКСТАХ И ИХ ПЕРЕВОДЕ
(на материале цикла лирических миниатюр И. С. Тургенева
«Стихотворения в прозе»)**

Бесспорным является утверждение о том, что корневые и словообразовательные морфемы, будучи единицами языка, способны передавать предметно-логическое, или понятийное, и – как правило, во флективных языках – коннотативное содержание, т. е. выполнять номинативную и экспрессивную функции [5; 7; 8]. Исходя из данного

постулата, можно продолжить исследование, во-первых, функций «словообразовательного механизма языка в построении текста», а во-вторых, влияния «текстового окружения на семантику и функционирование различных единиц системы словообразования» [5, с. 163]. Выбранное нами направление тем более актуально, что так или иначе пересекается с изучением проблем генерации речи и грамматики текста в системе одноязычной и двуязычной коммуникации.

Проблематика словообразования и текста в коммуникативно-функциональном ключе разрабатывалась М. Н. Янценецкой (выделила как приоритетное направление дериватологических исследований), М. В. Китайгородской, Е. С. Кубряковой, Е. Н. Ширяевым, Е. А. Земской, З. И. Резановой, Н. Д. Голевым, Т. П. Карпухиной и другими учеными [2; 3; 5; 6; 7; 11].

В частности, Е. А. Земской были выявлены шесть условий-ситуаций, позволяющих констатировать «процессуальный механизм словообразования»: «1) создание в процессе речевого акта производного от данного в предтексте базового слова или словосочетания; 2) использование в одном тексте ряда одноструктурных образований от разных основ; 3) построение производных различных структур от одной основы; 4) построение слов, реализующих одно и то же деривационное значение; 5) каламбурное столкновение производных от омонимичных или близких по звучанию основ, выявление внутренней формы слов; 6) семантическое противопоставление однокоренных слов или паронимов» [5, с. 164].

Мы, в свою очередь, попытаемся проследить, как актуализируется морфемно-деривационный механизм в рамках аналогичных ряду перечисленных условий-ситуаций, которые встроены в композиционную структуру лирических миниатюр / новелл И. С. Тургенева.

По нашим наблюдениям, корневые морфемы и аффиксы, являясь конституентами функционирующих в речи слов и образуя определенные рекуррентные последовательности в линейной структуре текста, получают дополнительную – коммуникативную функцию, которая заключается в акцентировании важной для автора информации. Повторы, параллелизмы, наряду с другими элементами структурного содержания текста, «создают часть запланированного эмоционального и эстетического эффекта путем непосредственного “эмоционального заражения”» [9, с. 96].

Коммуникативную нагрузку морфем легко обнаружить в речевых произведениях особого типа – в деривационных текстах, строящихся на основе морфемного повтора как особого приема морфологической стилистики (см. работы Н. Д. Голева) [2; 3; 8].

Например, за счет итерации алломорфов одной и той же корневой морфемы (медиальный повтор) актуализируется ядерная семантика ключевых слов: «*О моя молодость! О моя свежесть!*» – восклицал и я

когда-то. / Но когда я произносил это восклицание – я сам был молод и свеж (И. С. Тургенев. «О моя молодость! О моя свежесть») [12, с. 467].

С одной стороны, мы отмечаем синтаксический параллелизм предложений, вводящих тему; логическое ударение в них получают слова одной и той же словообразовательной категории – *молодость, свежесть*, что позволяет актуализировать одинаковое словообразовательное значение (значение абстрактного признака) синонимичными суффиксами *-ость-, -есть-* (реализуется условие-ситуация 4).

С другой стороны, от основы данного в предтексте исходного глагола *воскликнуть* в процессе речи создается производное существительное *восклицание* (условие-ситуация 1 в чистом виде).

Наконец, не составляет труда восстановить связь опорных словоформ *молодость – молод, свежесть – свеж* по принципу корреляции словообразовательных пар: *молодость – молодой; свежесть – свежий. Молод, свеж* – краткие формы прилагательных, которые не могут напрямую включаться в отношения словообразовательной выводимости. Поэтому возникает лишь подобие связи «базовое – производное», только в обратном направлении (подобие условия – ситуация 1).

На примере данного микротекста видно, что его деривация осуществляется именно за счет корневого повтора: номинативы *молодость* и *свежесть* становятся исходным коммуникативным содержанием (темой). При этом, однако, нужно понимать, что исходное и вторичное, иначе говоря производное, коммуникативное содержание не имеет ничего общего с теми языковыми отношениями производности, которые характеризуют словообразовательную пару.

Ср.: *молодой* → *молодость*, но в текстовой деривации *молодость* → *молод*. Хотя в ряде деривационных текстов на стыке предложений могут наблюдаться и отношения прямой словообразовательной выводимости между опорными словами: *Простота! простота! Тебя зовут святою... Но святость – не человеческое дело* (И. С. Тургенев. Простота); *Она не утешила меня – да я и не искал утешения...* (И. С. Тургенев. Дрозд) [12, с. 471, 463]. Ср.: *святой* → *святость*; *утешить* → *утешени*[j-э].

Таким образом, в плане актуального членения деривационных текстов важно обратить внимание на то, что исходное / данное / тема выражается не первым, а вторым компонентом словообразовательной пары (например, рема *святой* трансформируется в *святость* – тему следующего предложения).

Тавтологические словосочетания также могут маркировать значимые участки текста: *Теперь я молчу и не сокрушаюсь вслух о тех утратах... Они и так грызут меня постоянно, глухою грызью* (И. С. Тургенев. «О моя молодость! О моя свежесть») – в данной речевой цепи используется, на первый взгляд, избыточное словосочетанием *грызть грызью* [12, с. 467].

Однако тавтология здесь выступает не как речевая ошибка, а как стилистический прием, типичный для народно-поэтической речи: акцентируются семы непрерывности, интенсивности действия-состояния лирического героя. Сравним:

Ах! я любил тогда безнадежной, горестной любовью, какую можно любить лишь под снегом и холодом годов, когда сердце, не затронутое жизнью, осталось ... не молодым! нет... но ненужно и напрасно моложавым. <...> Он пел, он распевал самоуверенно, этот черный дрозд... (И. С. Тургенев. Дрозд) [12, с. 462].

Здесь словосочетание *любить любовью* также строится на медиальном повторе по аналогии с *грызть грызью*, однако, на наш взгляд, полностью лишено смысловой избыточности за счет уточняющих определений *безнадежной* и *горестной*. Оно является компонентом сложного словосочетания *любил безнадежной, горестной любовью*. Кроме мнимой тавтологии, создаваемой итерацией корней компонентов словосочетания, в данном речевом отрезке используется другой стилистический прием – полиптотон: повторяются словоформы *любил, любить* с одним и тем же корнем, но разными суффиксами-формантами. Моделируется следующая цепочка: *любил любовью, какую можно любить*. Весь речевой отрезок лишь ошибочно можно сличить с условием-ситуацией 3, так как *любил* и *любить* являются словоформами, а не производными структурами.

Для нюансировки значений в процессе семантического противопоставления однокоренных слов (реализации условия-ситуации б) И. С. Тургенев использует аффиксы: суффикс и конфикс – *не молодым, а моложавым*; *не пел, а распевал*. Сравним с другим предложением-высказыванием: *Мне жаль убийцы и его жертвы, безобразия и красоты, притесненных и притеснителей* (И. С. Тургенев. Мне жаль...) [12, с. 460]. В этой же миниатюре антитеза создается и посредством перекрестного противопоставления однокоренных слов с суффиксом *-лив-* и конфиксом *не- ... -н-*, образованных от одной и той же основы номинатива *счастье*: *Мне жаль детей и стариков, несчастных и счастливых... счастливых более, чем несчастных* [12, с. 460].

В случае если итеративным компонентом в составе дериватов выступает один и тот же аффикс (префикс/суффикс /конфикс), актуализируется периферийная словообразовательная семантика ключевых слов (анафорический и эпифорический повторы).

Актуализация словообразовательной структуры / формы слова, по мнению Е. А. Земской, представляет наиболее частотный «вид действия механизма словообразования», который «охватывает производные разных словообразовательных типов» и «используется как прием когезии и

усиления преимущественно в целях художественной выразительности» [5, с. 167].

На основании всего сказанного можно сделать вывод, что корневой и аффиксальный повторы как разновидности морфемного повтора служат не чем иным, как средством акцентуации речевого смысла предложения-высказывания, обеспечивая при этом высокую степень смысловой и грамматической связности всего текста.

Русская классическая литература представлена яркими примерами текстообразования с опорой на данный стилистический прием. (Прежде всего следует упомянуть произведения А. Белого, Б. Пастернака, К. Паустовского, В. Хлебникова. Приведем пример анафорического повтора, встретившегося в романе А. Белого «Серебряный голубь»: *И сам-то он на взгляд одичал, опростел, огрубел, – а чувства все жарче, и все тоньше думы <...>*.) Во многом это объясняется флективным строем русского языка, развитой системой средств аффиксального словообразования, что нехарактерно для изоморфных языков, к каковым, в частности, относится английский [1]. Вместе с тем, как было отмечено в нашей предыдущей работе [10], морфемный повтор полноправно используется в английской и американской художественной литературе. Например: *She was confined for some days to the house; but never had any confinement been irksome* (J. Austen) – корневой повтор; *Very willingly could I live Hawaii <...> Very lightly could I leave my house <...> Very bravely could I go to Molokai <...>* (R. L. Stevenson) – аффиксальный повтор в ряду синтаксически параллельных конструкций [8].

В связи с этим не может не возникнуть следующий вопрос. Если в оригинальных русско- и англоязычных текстах более или менее очевидна установка авторов на акцентуацию языковых значений при помощи морфем, то поддерживается ли она переводчиком, в особенности при переводе с русского языка на английский?

Поскольку морфологический строй русского и английского языков в большей степени характеризуется алломорфизмом, грамматические трансформации становятся естественным переводческим решением, приводящим к полному или частичному расхождению внешних форм оригинального и переводного текстов. Ведь первостепенная задача, как принято считать в современной теории и практике перевода, заключается в том, чтобы обеспечить передачу речевого смысла, обеспечив равновесность воздействия исходного и переводного текстов [9, с. 26]. Мы, тем не менее, полагаем, что внешняя форма текста – при определенной стратегии его деривационного развития (использовании итерации морфем) – может служить ключом к интерпретации авторской идеи.

Итак, попытаемся определить не макро-, а микростратегии переводческих действий, направленные на передачу речевого смысла, или идеи, первичного текста. В частности, проследим качественное и, в отдельных случаях, количественное соотношение исходных и переводных слов и словоформ, актуализирующих смысловые доминанты речи при помощи особого типа упорядоченности – морфемного повтора, фиксируя при этом факты сохранения или, наоборот, нейтрализации стилистического эффекта итерации морфем. В качестве единиц перевода («транслем») мы будем рассматривать не только морфему, но и само слово в его словообразовательных и грамматических (т. е. чисто реляционных) связях с ключевыми словами текста.

Площадка для наблюдений будет представлена выдержками из следующих лирических миниатюр: «Эгоист» (декабрь, 1878), «Что я буду думать?..» (август, 1879), «Н. Н.» (ноябрь, 1879), «Милостыня» (май, 1878), «Памяти Ю.П. Вревской» (сентябрь, 1878), «Посещение» (май, 1878), «Черепка» (апрель, 1878). Исходные тексты противопоставим переводам, выполненным английским переводчиком Констанс Гарнетт (Constance Garnet).

Он был безукоризненно честен!.. И, гордый сознанием своей честности, давил ею всех: родных, друзей, знакомых. / Честность была его капиталом... (Эгоист) [12, с. 442] // He was irreproachably conscientious!.. / And complacent in the sense of / his own conscientiousness, he crushed / every one with it, his family, his / friends and his acquaintances / His conscientiousness was his capital... (The egoist) [4].

Предложения оригинала и перевода организованы в микротекст по принципу параллельной связи (предложения 2 и 3 могут реорганизовываться, меняться местами). Переводчику удалось максимально, на наш взгляд, сохранить лексическое своеобразие и синтаксический строй подлинника: найдены прямые лексические соответствия русским словам, практически сохранен порядок слов (за исключением *давил¹ ею² всех³ – crushed¹ everyone³ with it²*). Благодаря тому, что не использованы приемы замены частей речи (*честен прил. → conscientious adj.; честность сущ. → conscientiousness n.*), перестановки членов предложений, а также самих предложений, морфемный повтор воссоздается при переводе с русского языка на английский. Оба текста следует считать деривационными, ибо в них задана общая траектория развития темы с опорой на морфемную структуру ключевых слов.

Буду ли я думать о том, что плохо воспользовался жизнью, проспал ее, подремал, не сумел вкушать ее даров? (Что я буду думать?..) [12, с. 453] // Shall I think how little use I have made of / my life, how I have slumbered, / dozed through it, how little I have known / how to enjoy its gifts? (What shall I think?)[4].

В первичном тексте используется анафорический повтор: повторяются префиксальные дериваты одного и того же словообразовательного типа (*спать* → *проспать*; *дремать* → *продремать*), выражающие одинаковое грамматическое значение сов. в., прош. вр., ед. ч., ж. р. синкретично.

Английский язык, в силу особенностей своей структуры, будучи языком изолирующим, не может в данном случае при помощи префиксации синтезировать разные типы языковых значений в одном слове (имеются в виду значения деривационное и чисто реляционное). Поэтому из вариантных соответствий в приведенном фрагменте отбираются не слова – поморфемные аналоги (их просто нет), а аналитическая словоформа – *проспал* // *haveslumbered* и фразовый глагол – *продремал* // *dozedthrough*. Перфектное значение здесь выражено вспомогательным глаголом *have*, а на значение «охват деятельностью / состоянием определенного временного отрезка (в данном случае длиной с жизнь)» указывает послелог *through*. Аффикс *-ed* передает только значение прош. вр., т. е. не выступает в роли синкретичной морфемы.

Вместо одиночного глагола *slumber*, означающего «спать, дремать; бездействовать», можно было использовать более точный фразовый глагол *slumberaway* «проспать, даром потерять время». Вообще заметим, что уточняющая / дифференцирующая семантика фразовых глаголов практически всегда позволяет найти соответствие приставочным глаголам русского языка.

Стройно и тихо проходишь ты по жизненному пути, без слез и без улыбки, едва оживленная равнодушным вниманием (Н. Н.) [12, с. 456] // *Calmly and gracefully thou movest along / the path of life, tearless and / smileless, and scarce heedless glance of / indifferent attention ruffles / thy calm* (N. N.) [4].

В инверсированном русском предложении итеративным элементом выступает адвербиальный суффикс *-o*: *стройно* и *тихо* (*стройный* → *стройно*; *тихий* → *тихо*). И для данного дериватора находится английский аналог – суффикс *-ly*: *calmly and gracefully* (*calm* → *calmly*; *graceful* → *gracefully*). Однако на этом эпифорический повтор в предложении оригинала исчерпывает себя, в то время как в переводном предложении он получает свое дальнейшее развитие за счет замены предложно-падежных форм *без слез* и *без улыбки* одноморфемными суффиксальными коррелятами *tearless and smileless*.

Суффикс *-less* имеет значение отсутствия признака и может рассматриваться как эквивалент русской приставки и предлога *без-* / *бес-* (*heedlessglance* // *бессмысленный взгляд*). В итоге во вторичном тексте создается так называемый многоярусный параллелизм, создаваемый итерацией суффикса *-ly*, с одной стороны, и суффикса *-less*, с другой.

Он шатался на ходу; его исхудалые ноги, путая-сь, волоча-а-сь и спотыкая-сь, ступали тяжело и слабо <...> (Милостыня) [12, с. 436] // *He tottered as he went; his old wasted legs / halting, dragging, stumblin, / moved painfully and feebly <...> (Alms) [4].*

Кроме повтора изоструктурных наречий *тяжело* и *слабо* // *painfully* and *feebly*, в оригинальном и переводном предложениях актуализируются смежные глагольные словоформы – в русском языке это возвратные деепричастия НСВ *путая-сь*, *волоча-сь* и *спотыкая-сь*, а в английском языке – причастия настоящего времени (Participle I) *halt-ing*, *dragg-ing*, *stumble-ing*, имеющие единообразное оформление за счет окончания *-ing*. Соответствия в данном случае не только лексические и поморфемные (качественная сторона перевода: максимальное сближение внешней формы оригинала и перевода), но и выверенные количественно.

Нежное кроткое сердце... и такая сила, такая жажда жертвы! Помогать нуждающимся в помощи... она не ведала другого счастья... не ведала – и не изведала (Памяти Ю. П. Вревской) [12, с. 432] // A soft, tender heart... and such force, such / eagerness for sacrifice! To / help those who needed help... she knew of / no other happiness... knew not of it, and had never once known it (To the memory of U. P. Vrevsky) [4].

Помогать нуждающимся в помощи имеет соответствие *to help those who needed help*. По причине отсутствия в английском языке парадигм склонения, в том числе причастных форм, вряд ли можно найти более точный вариант перевода. Хотя ключевым словам оригинала и найдены лексические соответствия, которые характеризуются такими же отношениями словообразовательной мотивированности («базовое → производное»), способы образования дериватов *помощь* // *help* различаются: *помогать* → *помощь* (нулевая суффиксация), но *to help* → *help* (конверсия). Но наиболее интересной, на наш взгляд, является градация: *не ведала...*, *не ведала – и не изведала* // *knew of no... knew no to fit, and had never once known it*.

Опять-таки, как и во втором примере, мы видим ограниченные возможности английского морфологического словообразования. В словообразовательных парах *ведать – изведать*, *знать – познать* и *под*. приставки модифицируют значения исходных глаголов, привнося семантику действия, достигшего своего внутреннего предела. Значение предельности, результативности действия в английском языке выражается по-другому: при помощи перфектных видо-временных форм. А поскольку англ. глагол *to know* является неправильным и, к тому же, изменяющим свою морфологическую форму за счет внутренней флексии, переводчику – именно в силу объективных лингвистических причин – не удастся в полной мере сохранить морфемно-стилистические особенности речевого отрезка оригинала: повтор обеспечивается лишь словоформой *knew*.

Заря еще не занималась; но уже бледнела, уже холодела темная теплая ночь (Посещение) [12, с. 434] // *The dawn had not yet begun; but already / the dark, warm night grew pale and / chill at its approach* (A visit) [4].

В исходном предложении формами глаголов *бледнеть*, *холодеть* актуализируется словообразовательное значение «становиться таким, как названо в основе мотивирующего глагола», т. е. значение становления признака (*бледнеть* ← *бледный*; *холодеть* ← *холодный*).

В английском языке, однако, нет дериватора, соответствующего глагольному суффиксу *-e-*. Поэтому переводчик обращается к неоднословному наименованию *growpale / growchill*, образуемому сочетанием полузнаменательной связки *grow*, практически эквивалентной суффиксу *-e-* в значении «становиться, делаться», и непроизводного прилагательного (*pale* – бледный; *chill* – холодный). Буквальный перевод: *стала бледной / холодной*.

С целью же передать морфологическое значение незавершенности / процессуальности действия (значение НСВ русских глаголов *бледнела*, *холодела*), используется переводческий прием «добавление» – *atitsapproach*, означающего «по приближении».

А черепа поворачивались по-прежнему... И с прежним треском <...> (И. С. Тургенев. Черепа) [12, с. 429] // *And the skulls turned from side to side as before.... And with their former noise<...>* (The skulls) [4].

Как нетрудно заметить, на основе словообразовательных отношений выделенных русских лексем осуществляется «подхват» предшествующего предложения последующим, что обеспечивает трансформацию ремы в тему, хотя при этом задается обратное направление с точки зрения словообразовательной производности: не *прежний* → *по-прежнему*, а, наоборот, *по-прежнему* → *прежний*. В переводном варианте такие отношения не моделируются из-за того, что найденные эквиваленты не являются однокоренными: *по-прежнему* // *asbefore*; *с прежним* // *withformer*.

Подводя итоги вышеизложенному, следует еще раз подчеркнуть, что морфемы, хотя и лишены способности функционировать в речи в качестве самостоятельных единиц, обладают несомненным текстообразующим потенциалом, который наиболее ярко раскрывается в деривационных текстах, в основе организации которых – стилистический прием «морфемный повтор».

Реализуясь только в медиальной (срединной, корневой), либо только в анафорической (начальной, префиксальной), либо только в эпифорической (финальной, суффиксальной) позициях в структуре контекстных ключевых слов, морфемный повтор задает векторы деривации текста с опорой на словообразовательный механизм языка.

В процессе развертывания текста деривационные связи и отношения ключевых слов в основном ограничиваются рамками условий-ситуаций, выделенных Е. А. Земской, хотя отношения «базовое – производное» могут не поддерживаться с точки зрения актуального синтаксиса.

Благодаря итерации морфем в структуре опорных слов, детерминирующих развитие темы текста, его внешняя форма становится более «выпуклой» и одновременно прозрачной, что позволяет автору, выделив тот или иной тип языкового значения (лексическое, словообразовательное, грамматическое), визуализировать искомый речевой смысл.

Одна из частных, но важных задач перевода – воссоздать грамматико-стилистическую форму оригинала средствами переводного языка, в том числе отыскать соответствия на уровне морфем. Переводчику цикла лирических миниатюр И. С. Тургенева «Стихотворения в прозе» Констанс Гарнетт удалось, на наш взгляд, передать средствами английского языка, языка абсолютно иной морфологической структуры, колорит стиля русского писателя, в целом сохранив грамматику оригинальных деривационных текстов.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Аракин, В. Д. Сравнительная типология английского и русского языков : Учеб. пособие / В. Д. Аракин. – 3-е изд. – М. : ФИЗМАТЛИТ, 2000. – 256 с.
2. Голев, Н. Д. О соотношении лексического и словообразовательного аспектов при описании мотивированных слов в системе и тексте / Н. Д. Голев [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://lingvo.asu/golev/articles/z80.html>. – Дата доступа: 12.11.2015.
3. Голев, Н. Д. Функционирование лексических единиц как носителей морфемно-деривационных структур в тексте / Н. Д. Голев [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://lingvo.asu.ru/golev/articles/z73.html>. – Дата доступа: 15.12.2015.
4. Dream Tales and Prose Poems by Ivan Turgenev. Translated from the Russian by Constance Garnett [Электронный ресурс]. – 2016. – Режим доступа: <http://www.loyalbooks.com/download/text/Dream-Tales-and-Prose-Poems-by-Turgenev.txt>. – Дата доступа: 24.01.2016.
5. Земская, Е.А. Словообразование как деятельность / Е. А. Земская. – М. : Наука, 1992. – 221 с.
6. Земская, Е. А. Русская разговорная речь. Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис / Е. А. Земская, М. В. Китайгородская и др. – М. : Наука, 1981. – 276 с.

7. Карпухина, Т. П. Место морфемного повтора в актуальном членении предложений с инвертированным порядком слов (на материале англоязычной художественной прозы) / Т. П. Карпухина // Вестник ТГПУ, 2006. – Выпуск 4 (55). – С. 71 – 76.
8. Кухаренко, В. А. Практикум зі стилістики англійської мови / В. А. Кухаренко : Підручник. – Вінниця : «Нова книга», 2000. – 160 с. [Электронная версия учебника]. – 2015. – Режим доступа : http://www.durov.com/study/Kukharenko_A_book_of_Practice_in_Stylistics-108.doc. – Дата доступа: 06. 12. 2015.
9. Латышев, Л. К. Перевод: теория, практика и методика преподавания : Учеб. пособие для студ. перевод. фак. высш. учеб. заведений / Л. К. Латышев, А. Л. Семенов. – М. : Издательский центр «Академия», 2003. – 192.
10. Лихач, Т. П. Рекуррентность морфем как средство текстообразования (на материале англо- и русскоязычных художественных текстов) / Т. П. Лихач, Ю. В. Ходунькова // Современные парадигмы лингвистических исследований: методы и подходы: Сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф., г. Стерлитамак, 13-14 ноября 2015 г. / Отв. ред. Н.В. Матвеева. – Стерлитамак: Стерлитамакский филиал БашГУ, 2015. – С. 64–70.
11. Резанова, З. И. Теория русского словообразования в трудах проф. М. Н. Янценецкой (к 7-летию со дня рождения) / З. И. Резанова [Электронный ресурс]. – 2016. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/teoriya-russkogo-slovoobrazovaniya-v-trudah-prof-m-n-yantsenetskoj-k-70-letiyu-so-dnya-rozhdeniya>.
12. Тургенев, И. С. Собрание сочинений: в 12 т. / ред. коллегия: М. П. Алексеев[и др.]. – М. : Худож. лит., 1978. – Т. 8: Повести и рассказы 1870–1883. Стихотворения в прозе / И. С. Тургенев. – 1978. – 527 с.